

Мысль об этом заставила Гу Хайчао похолодеть, но он тут же обратился к госпоже Синь:

— Матушка, не беспокойтесь. Позвольте мне заняться этим делом, и я гарантирую, что всё пройдёт без сучка и задоринки!

— Хайчао, ты мужчина, тебе не следует вмешиваться в такие дела. Ты не должен слишком часто бывать во внутренних покоях, чтобы отец не заметил и не сказал, что ты ни на что не годишься, и чтобы на нас с тобой не легло ещё больше позора.

Увидев, что он намеревается вмешаться в дела Гу Чжису, госпожа Синь, которая изначально сама планировала это, невольно заколебалась, вспомнив о методах Гу Чжису. Она схватила его за руку и с тревогой сказала:

— Если бы мне действительно понадобилась твоя помощь, я бы сама тебе об этом сказала. Не беспокойся.

Гу Хайчао, выросший рядом с матерью, хорошо её понимал. Услышав её слова, он понял, что она хочет, чтобы он был осторожен с Гу Чжису. Его взгляд стал ещё мрачнее. Он похлопал руку матери и неуверенно произнёс:

— Если так... пусть матушка сама решает. Но что насчёт сестры...

— Дело твоей сестры уже давно прошло. Если на этот раз на пиру цветов ничего не выйдет, будет и другая возможность.

После выкидыша госпожа Синь всё ещё считала Гу Хайтан своей дочерью, но её сердце остыло. Она не собиралась рассказывать об этом Гу Хайчао, но в её словах всё же сквозила холодность по отношению к Гу Хайтан.

— Хайчао, скажу тебе не очень приятную вещь. Твоя сестра, хоть и законнорождённая, всего лишь женщина. Если она принесёт мне славу, это хорошо, но если нет, это не лишит меня надежды. Я больше всего забочусь о тебе. Пока с тобой всё в порядке, я довольна.

Гу Хайчао, увидев, что мать ставит его на первое место и не так уж ценит Гу Хайтан, тут же сменил тон. Он приблизился к госпоже Синь и тихо сказал:

— Я понимаю. Я запомню слова матушки и буду во всём осторожен. Что касается Хайтан, раз уж дело зашло так далеко, матушка должна проявить твёрдость. Если бы сразу после происшествия с Хайтан...

Госпожа Синь, услышав это, вздрогнула. Как женщина, живущая в глубинах дворца, она поняла, что Гу Хайчао имеет в виду, что, когда Гу Хайтан потеряла невинность, лучше было бы сразу покончить с ней, чтобы сохранить её репутацию добродетельной женщины.

Она всегда считала своё сердце достаточно холодным, раз смогла позволить мужу запереть собственную дочь, что привело к тому, что та убила её ребёнка. Но, увидев сейчас холодный взгляд Гу Хайчао, она внезапно осознала, что его реакция на это событие была не из-за горя за Гу Хайтан, а из-за раздражения, что она и Гу Чжису всё ещё живы в доме и могут повлиять на его карьеру или репутацию всего клана Гу.

Осознав это, госпожа Синь почувствовала, как по ней прокатилась волна холода. Но перед ней был её сын, её единственная надежда. У неё остался только он, и к тому же ситуация с Гу Хайтан была сложной, и она не знала, как с ней поступить. Подумав некоторое время, она

вздохнула и сдалась.

— Я знаю, о чём ты думаешь, но сейчас уже поздно. К тому же... она всё же моя родная дочь, и мне её жалко.

— Матушка слишком добра, и это даёт другим шанс. Пока сестра остаётся в доме, она будет вашей слабостью. К тому же она не слишком умна, избалована и часто становится орудием в чужих руках.

Гу Хайчао, заметив колебания матери, непроизвольно смягчил тон и, наклонившись, тихо сказал:

— Раньше она была чиста, но теперь у неё есть пятно, которое никогда не смоется. Если кто-то захочет навредить вам, ему достаточно будет слегка подтолкнуть её, и это приведёт к неразрешимым последствиям. Матушке нужно как можно скорее решить, что делать с сестрой.

Госпожа Синь действительно заколебалась, глядя на своего красивого и умного сына и вспоминая все проблемы, которые вызвала Гу Хайтан. Хотя она всё ещё не могла полностью согласиться с мыслью Гу Хайчао убить Гу Хайтан, она постепенно сжала пальцы и, колеблясь, тихо сказала ему:

— Дело Хайтан... я действительно не могу решиться на такое. Дай мне ещё немного времени подумать. Ты её старший брат, и перед ней нельзя показывать такие мысли, иначе, учитывая её характер, она не оставит тебя в покое.

— Сестра потеряла невинность, и хотя её статус всё ещё высок, она вряд ли сможет занять место жены в знатной семье. А попытки устроить что-то на пиру цветов можно повторить лишь однажды...

Гу Хайчао, видя, что мать начала сдаваться, понимал, что её материнские чувства не позволят ей легко согласиться. Но дело Гу Хайтан нужно было решать быстро. Если госпожа Синь не будет категорически против, он сможет убить её чужими руками, и даже если мать позже заподозрит что-то, она не порвёт с ним отношения.

Думая об этом, он позволил себе слабую, почти исчезающую улыбку, добавляя ещё один тяжёлый аргумент в сердце матери.

— К тому же, клан Гу — великий род. Как мы можем допустить, чтобы в нём была... старшая дочь, потерявшая невинность?

— Я знаю, о чём ты говоришь.

Госпожа Синь чувствовала, как у неё начинает болеть голова. Она знала своего сына лучше всех и понимала, что, говоря так, он уже задумал убить собственную сестру. Её сердце наполнилось холодом и растерянностью. С одной стороны, она действительно хотела, чтобы Гу Хайтан умерла, чтобы покончить с проблемами, которые та вызвала. С другой стороны, её материнские чувства к Гу Хайтан были сильны, и она не хотела, чтобы сын убил дочь. Она твёрдо решила не позволить этой ужасной идее воплотиться в жизнь и подумала о том, как вывести Гу Хайтан из дома, чтобы спасти её от планов Гу Вэньмяня и Гу Хайчао. Её пальцы разжались, и она тихо сказала:

— Дай мне ещё подумать... подумать... как поступить с Хайтан. Уже поздно, иди отдыхать.

Гу Хайчао, услышав это, подумал, что она согласилась с его планом, и в его глазах мелькнуло удовлетворение. Он встал, поклонился и медленно вышел из комнаты:

— Позвольте мне откланяться.

После того как Гу Хайчао ушёл, служанки из Двора Линьцзян всё ещё не вошли внутрь. Из тени в углу появилась фигура. Служанка прошла мимо угла и, не упустив ни одной детали, дословно передала услышанный разговор Гу Хайтан, которая в это время сидела в комнате, вышивая пион.

Услышав, как они говорят о ней, Гу Хайтан остановила иглу. Когда она услышала, что они решили убить её, её пальцы дрогнули, и красная нить порвалась с громким щелчком. Она медленно подняла голову, и её глаза горели гневом. Слова, казалось, вырывались из её зубов:

— Моя дорогая мать... мой дорогой старший брат...

Произнеся это, она тихо усмехнулась, положила половину вышитого пиона и внезапно взяла ножницы. Она опустила голову, внимательно глядя на холодный блеск лезвия в свете свечи:

— Так вот как... так вот как... Неудивительно, что мать так долго относилась ко мне с холодностью.

Служанка опустила голову, и её выражение лица было скрыто. Она тихо ответила:

— Старшая госпожа...

Красивое и величественное лицо Гу Хайтан в темноте выглядело немного зловецим. Она медленно провела ножницами:

— Хорошо, что ты была умна и позволила мне услышать их разговор... Если бы не это, я бы, возможно, до конца радовалась, думая, что они заботятся обо мне и строят планы за меня... и тихо умерла бы от рук собственной матери и старшего брата!

Сказав это, она повернулась к служанке и, увидев, что та, кажется, боится говорить, внезапно улыбнулась зловецей улыбкой и резко разрезала наполовину вышитый алый пион:

— Даже если я выйду замуж за нелюбимого, это всё же лучше, чем умереть здесь!

Служанка, услышав это, опустила голову ещё ниже, словно испугавшись, и отступила. В её опущенных глазах мелькнула тень.

<http://bllate.org/book/16652/1526264>